

УДК 8Р2

*Т.Е. Смыковская**

ЖИЗНЕННЫЙ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ГЛЕБА АНФИЛОВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИТЕРАТУРЫ БАМЛАГА

Статья рассматривает судьбу и творчество Глеба Анфилова в контексте литературы БАМлага. Поэтическая судьба Г. Анфилова представлена в двух ракурсах. С одной стороны, он попытался приспособиться к лагерной реальности и стать частью официальной бамлаговской литературной среды, с другой – оставался верен эстетическим принципам эпохи Серебряного века. В статье использованы ранее не представленные в научном дискурсе архивные данные и стихотворные тексты.

Ключевые слова: БАМлаг, поэт, стихотворение, лирический герой, КВО, лагерь.

Одна из глав «Архипелага ГУЛАГ» А. Солженицына начинается так: «Был на Дальнем Востоке город с верноподанным названием Алексеевск (в честь Цесаревича). Революция переименовала его в город Свободный. Амурских казаков, населявших город, рассеяли – и город опустел. Кем-то надо было его заселить. Заселили: заключенными и чекистами, охраняющими их. Весь город Свободный стал лагерем (БАМлаг).

Так символы рождаются жизнью сами» [1, с. 112].

Согласно приказу ОГПУ, формирование Байкало-Амурского исправительно-трудового лагеря началось 10 ноября 1932 года: «Были созданы Бушуйский, Зейский, Норский, Ушумунский, Усть-Ниманский и другие лагпункты, несколько отделений. Подчиненные единицы лагеря были разбросаны на многие сотни и даже тысячи километров как друг от друга, так и от управления строительства и управления ИТЛ, дислоцировавшихся в г. Свободном» [2, с. 72]. Численность амурского лагеря росла стремительно: в декабре 1933 насчитывалось 62 тысячи заключенных, в 1934–117 тысяч, в 1938 – около 269 тысяч человек. Особое место в лагерной системе отводилось культурно-воспитательному отделу (КВО) – органу, неусыпно следившему за выполнением предписаний лагерного начальства, старавшегося не уклоняться от общегосударственного «социального заказа». Главная цель КВО – идеологическая пропаганда рабского труда заключенных. Он стремился собрать людей не просто образованных, а принадлежащих к разным творческим специальностям, имеющих художественные склонности и устремления. Таким культурным сообществом стало поэтическое, не только объединившее множество имен, но и включившее специальные периодические издания, на чьих страницах оказались возможные литературные публикации: журнал «Путеармеец», газеты «Строитель БАМа», «Литература и искусство БАМлага», книги из серии «Библиотека “Строителя БАМа”».

Поэтов БАМлага условно можно поделить на несколько типов. Первый составляют стихотворцы, подобные А.И. Цветаевой: никогда не участвовавшие в лагерных литобъединениях и не печатавшие свои произведения в тюремных изданиях. Написанные стихи скрывались, а при возможности передавались на волю и в большинстве

* © Смыковская Т.Е., 2014

Смыковская Татьяна Евгеньевна (tarkatova@yahoo.com), кафедра литературы, Благовещенский государственный педагогический университет, 675000, Российская Федерация, г. Благовещенск, ул. Ленина, 104.

своем только спустя десятилетия восстанавливались по памяти. А. Солженицын, сам принадлежа к данному типу авторов, в опыте художественного исследования об этом явлении напишет: «Я понимал, что не единственный я такой, что я прикасаюсь к большой Тайне, эта тайна в таких же одиноких грудных клетках скрыто зреет на разбросанных островах Архипелага, чтобы в какие-то будущие годы, может быть уже после нашей смерти, обнаружиться и слиться в будущую русскую литературу. <...> Не всем было дано дожить, так и погибло в памяти. А кто-то записал и спрятал бутылку с бумагой в землю, но никому не назвал места. Кто-то отдал хранить, но в небрежные или, напротив, слишком осторожные руки» [3, с. 98].

Вторую группу представляли поэты, которые, по крайней мере внешне, совпадали с идеологической установкой КВО: Г. Воловик, С. Кремков, С. Федотов и др. Они активно печатались в литературной периодике БАМлага, воспевали советское государство, пропагандировали его идеалы, романтизировали тюремную действительность.

Третий, промежуточный тип – поэты, попытавшиеся приспособиться к лагерной системе, но в силу разных причин сделать это не сумевшие. К ним можно отнести Г. Анфилова, поэта, воспитанного атмосферой Серебряного века, оказавшегося не в силах слиться с лагерной реальностью.

Глеб Анфилов родился в 1886 году в дворянской семье, его отец, Иосаф Измайлович Анфилов, – подполковник царской армии, участник обороны Севастополя. Как сын героя Крымской войны, будущий поэт был зачислен в Михайловский Воронежский кадетский корпус, образование продолжил в Александровском военном училище, затем служил подпоручиком понтонного батальона, в 1908 по собственному желанию уволен в запас. С 1909 по 1913 годы обучался на экономическом отделении юридического факультета Московского университета, получил диплом с отличием. В 1912 году Анфилов стал одним из двух лауреатов стихотворного конкурса, проводимого газетой «Русские ведомости». Лирический талант начинающего литератора был отмечен В.Я. Брюсовым, которому молодой поэт показывал многие ранние стихотворения.

Во время Первой мировой войны Анфилов в качестве поручика 2-го Кавказского саперного батальона воевал на Германском и Австро-Венгерском фронтах. В связи с революционными событиями 29 января 1918 избран штаб-офицером конно-железнодорожного отдела 12-й армии, демобилизован 2 мая 1918 года. В 1920 добровольцем ушел на Гражданскую войну, в составе 13-й Красной армии принимал участие в боях в Донбассе, затем переведен на Кавказ, в 1922 переехал в Москву, где работал в книгоиздательской сфере.

21 февраля 1935 года Анфилов был арестован по делу об убийстве Кирова. 7 апреля 1935 Особым совещанием при НКВД СССР осужден за распространение «контрреволюционных слухов» на 5 лет, отправлен в БАМлаг, куда с этапом Сиблага, согласно архивной карточке заключенного, прибыл 18 мая 1935 года [4]. О лагерной жизни поэта известно по письмам (1935–1938), адресованным жене Анне.

В первом от 13 апреля 1935 года Анфилов объясняет возможные причины ареста: «По-моему убеждению, я осужден за сделанное мною и записанное в протоколе следующее заявление: “Являясь принципиальным противником террора, я считаю карательные меры, проведенные правительством в связи с убийством Кирова, чрезмерными по своей суровости и нецелесообразности с точки зрения интересов СССР”» [5, с. 7]. Далее он добавляет: «<...> отрицательное отношение к войне и смертной казни я пронес через всю мою жизнь» [5, с. 7].

В свободненском лагере Анфилов работает по экономической специальности в одном из подразделений строительной системы. В письмах он просит Бога сохранить «голову» и «память», чтобы, освободившись, «писать, писать, писать». В письме от

14 июня 1935 года поэт сообщает, что «делает попытки включиться в общественную жизнь лагеря стихами». Однако при этом иронически замечает: «формально-поэтические требования, предъявляемые здесь к стихам, гораздо серьезней, чем те, которые предъявлял к ним В.Я. Брюсов» [5, с. 14]. Анфилов полон творческих сил, однако «свободное время выпадает маленькими спичечными коробками, в которые никак не втиснешь художественных дел» [5, с. 14]. В письмах 1935–1936 годов он еще надеется на скорое освобождение: «Вероятно, меня выпустят раньше – м. б., к Новому Году. Осмотревшись и немножко приспособившись, я буду в марте-апреле встречать вас на какой-нибудь ж. д. станции» [5, с. 15]. Из заключения Анфилов отправляет множество бумаг с прошением о пересмотре дела, он убеждает жену не переставать хлопотать о нем в Москве. Настроение писем 1935–1936 годов изменчиво: от оптимизма («Мы еще повоюем, черт возьми!») до уныния и бесконечного отчаяния: «Плохо мне здесь. С моей психикой я ни с кем не умею создать контакт и дружбу. Очень одинок и не только одинок, но ужасно диссонирую с общим тоном и средним типом. А быть здесь непопулярной фигурой не только невыгодно, но даже опасно... Кой кто знает, что я пишу стихи, и это уже пункт недоброжелательного наблюдения за мной» [5, с. 17].

В 1936 году Анфилова переводят на литературную работу, он становится редактором лагерного журнала, однако эта деятельность не приносит ему удовлетворения: «Мой отход <...> в итоге причиняет мне кучу неприятностей, так как амплу литератора в моем тресте, да еще отстаивающего свои права на свободную тематику, тягостно и двусмысленно... И главное, всякая сволочь <...> позволяет себе иметь суждение о целях и качествах поэзии» [5, с. 28]. Помимо редакторского труда, Анфилову поручено организовывать курсы поэтов и проводить литконсультации. Пребывание на «лагерном Парнасе» было недолгим, уже 6 августа 1936 года плановым отделом заключенный Анфилов переведен «в джунгли цифр». Письма конца 1936, а также 1937 годов проникнуты тоской и безнадежностью: «Психоз этот – тяга к тебе и к вам. Это непрерывное мозговое сверление в одну точку при полной неспособности чем-нибудь отвлечь и занять себя. А наряду с этим такое тяжкое хроническое утомление, которое требует от меня пятерных или десятикратных напряжений, чтобы заставить мозг выполнять предъявленные к нему заказы. <...> Боюсь, что нам придется научиться выговаривать слово – никогда... Видишь, как черно у меня под черепом. Какой угодно, лишь бы конец» [5, с. 32–33]. Поэт больше не ходатайствует об освобождении, его одолевают болезни («артерио-кардиосклероз», «миокардия», «нервные обстоятельства»), несмотря на которые он отправлен «катать бревна», «грузить вагоны». Анфилов перестает писать стихи: «Стихи ушли в такое же неосуществимое прошлое, в котором я храню твой и детские силуэты...» [5, с. 33]. Однако духовно он не сломлен и по-прежнему надеется соединиться с семьей: «Я на общих работах. Вдалеке вижу Амур. Место тут очень суровое. Мой курс <...> на Запад. Увидимся по истечению календарного срока» [5, с. 44]. Письма Анфилова наполнены творческими задумками и планами («внутренне нужная вещь о нашем Ростове», «историко-революционная поэма на украинском языке», «философская поэма вроде “Фауста”», «роман в стихах», «драма», «500 стихотворений», «поэма в прозе “О женщине”»), но сбыться им не суждено.

Последнее письмо к жене датировано 6 июня 1938 года, после него связь прервалась. В своих воспоминаниях Анна Анфилова рассказывала, что ей стали возвращать отправленные посылки с наклейкой о выбывшем адресате. В мае 1939-го посылка вернулась с надписью, сделанной в апреле: «адресат выбыл в г. Свободный, 8-е отделение». Обеспокоенная судьбой мужа, она делает несколько запросов, в ответ получает самые противоречивые сведения. Из прокуратуры БАМлага в документе от 15 сен-

тября 1938 года за № 3183 ей было сообщено, что муж жив и здоров, содержится в Свободном, однако за нарушение лагерной дисциплины временно переведен в штрафную колонну, поэтому посылки и деньги не получает. В справке от 26 сентября 1938 г. говорилось, что Анфилов в Свободном, а 13 марта 1940 г. пришла бумага следующего содержания: «Глеб Иосафович Анфилов не содержится и никогда не содержался в БАМлаге, который переименован в Амурлаг». 23 сентября 1939 года Анну Анфилову повесткой вызвали в комендатуру НКВД г. Куйбышева, где объявили, что, согласно извещению от 31 августа 1939 года за № 187-62-9, ее муж умер, а через месяц семьей была получена справка о смерти Г.И. Анфилова, последовавшей 21 января 1938 года.

Сведения о смерти Анфилова (личная карточка заключенного и дело), находящиеся в информационном центре УМВД России по Амурской области, также противоречивы. Согласно архивной карточке, Анфилов умер 11 января 1941 в 4-м отделении БАМлага на станции Хабаровск 2, в лазарете № 1. В справке и акте № 8, хранящихся в личном деле, написано, что 22 июня 1938 года Анфилов «доставлен мертвым в лазарет № 1 на станции Хабаровск 2», смерть «последовала от кровоизлияния через перерезанную локтевую вену». В 1957 ввиду полного отсутствия состава преступления Анфилов посмертно реабилитирован.

В письме от 18 апреля 1936 года поэт пророчески скажет: «И только правнуки откроют нас в пыли библиотек, в наших закопанных в землю дневниках и в наслоениях следственных архивов» [5, с. 27–28]. Возможно, одним из первых лирических текстов, сочиненных в заключении, является стихотворение «Хинган». Согласно архивным данным, представленным в публикации Н.Н. Перцовой, произведение написано в 1925 году. Смеем предположить, что эта дата ошибочна¹, поскольку никаких сведений о пребывании Анфилова в 20-х годах на Дальнем Востоке нами не обнаружено, не приводит их и Перцова. О том, что стихотворение, скорее всего, относится к 1935 году, говорит не только место его создания («Пароход от Сретенска до Хабаровска»²), но и содержание: «В берега голую грудь / Месяц из облачных шкур / Тусклый наводит наган. / Сердце велит: “не будь!” / Гремит камнем Амур. / Черный встает Хинган» [6, с. 40]. В стихе главенствует образ смерти, вероятно, рожденный первыми месяцами заключения и труднейшим этапом. Дальневосточный пейзаж, несмотря на сопротивление сердца, пророчит «черную» гибель. Эмоциональный строй стихотворения родственен настроению анфиловских писем 1935 года.

Находясь в лагере, Анфилов печатался в идеологическом рупоре БАМлага газете «Строитель БАМа»: «Наша бригада — / двадцать ребят: / парни, что надо, / от сердца до пят. / Нас воспитала / школа труда, / тяжесть металла, / река Ингода, / тропы оленье, / пади оскал, / сопротивление / каменных скал. / Срывы бывали / у нас, как везде: / мы пробивали / сток к Ингоде. / Били вначале / вяло да врозь, / рвали, стучали, — / вышло, хоть брось. / Срок нам указан. / Дружно, без слов, / грохают разом / двадцать ломов. / Вздрогнула глина, / валится пласт. / Снизу долина / отзвук отдаст. / Месяцы мчатся, — / искры костров. / Было нас двадцать / в прошлом воров. / Скоро в Могочах, / в Омске, в Баку, — / двадцать рабочих / станут к станку. / В необозримых / дымках весны / двадцать любимых / нам суждены. / В желтых массивах / за горным ручьем / мы о красивых / песни поем. / Двадцать вчерашних / прощает страна. / Вечер — как башня. / Сердце — струна!» [7, с. 4] Стихотворение «Двадцать» (1936) — о бригаде рабочих, строящих «сток к Ингоде». Герои произведения — воры, «прощенные страной». Ключевым является слово «срок», в котором, скорее всего, закодирован смысл стихотворения. Говоря о ворах, Анфилов имеет в виду иных заключенных, преодолевающих «сопротивление каменных скал». Именно под их миллионной силой «вздрогнула глина, / валится пласт». Со словом «вор» не вполне согласуются и начальные строки стихотворения: «Наша бригада — / двадцать

ребят: / парни, что надо, / от сердца до пят». В письмах поэт дает прямо противоположную характеристику тем, кто отбывает срок по уголовным статьям: «садисты». В «Строителе БАМа» Анфилов публиковался редко. В подшивке за 1936 год обнаружено только одно стихотворение. Возможно, поэт так и не смог или не захотел приспособиться к лагерным требованиям, остался верен своим мировоззренческим и эстетическим принципам. В этом плане интересен «Пролог к “Думе про Опанаса” Эд. Багрицкого» (1936), затрагивающий события Гражданской войны на территории Украины. Лирический герой произведения, которое с полным правом можно назвать поэмой, подчеркивает бессмысленность, драматичность, жестокость и противоречивость происходившего на украинской земле: «<...> И сыны твои на распутье, / Словно брошенный сор из угла. / Понесет их ломкие прутья / Каждый ветер и каждая мгла. // Те не поняли оклик кулацкий, / Тех взманила лукавая речь. / И пошла тропой гайдамацкой / Порубать, засекачь да жечь. <...> // И за это всякий заплатит / Полной мерой и злой ценой. / Только ветер, ветер подхватит / Захлебнувшийся крик ночной» [7, с. 42]. Украина, утопая в горе Гражданской смуты, рада любому исходу, даже большевистскому: «Я устала, я так устала / От раздоров военных лет... / Здравствуй, радостный нежно-алый / Победивший Советский свет» [6, с. 43]. Хотя Украина и приходит «по сожженной тропе в Москву», но советская власть не осмысливается как нечто идеальное и незыблемое. Для Украины российское государство – оплот временный, дающий лишь краткую передышку. Находясь в лагере, Анфилов отзывался на «опасные» темы, не свойственные официальной бамлаговской поэзии. Помимо этого, фрагмент «Пролога», особенно в сравнении с «Двадцатью»³, дает возможность ощутить иной стиль, отличия в образном и эмоциональном строе, почувствовать художественную разность произведений.

Очищено от идеологических наслоений стихотворение «Курок заржавленный чернеет строже» (1937), оно лишено «эзоповского» подтекста. Здесь Анфилов описывает «Голгофу заключенного» – расстрел: «Курок заржавленный чернеет строже, / Патроны вставлены без лишней дрожи. // О, сколько искренних отвергнут помощь! / О, сколько выстрелов проглотит полночь! // Поутру сходятся из дальних комнат, / О Богородице твердят и помнят. // Лежит застреленный в цветенье вешнем, / В глазах расселинах стоит нездешнее. // А в даях города над злым конвертом / Рыдают молодо о нем бессмертном [8, с. 24].

Произведение пронизано религиозными образами и мотивами, которые в «плакатной» поэзии БАМлага практически не использовались, даже в сатирических целях. Лагерь у Анфилова – «глобающая» адова бездна, невозможность выхода из нее акцентирована символическими колористическими характеристиками: «курок чернеет», «полночь». Избавлением может стать лишь смерть, преображающая заключенного («в цветенье вешнем», «в глазах нездешнее»), дарующая, подобно Христу, бессмертие.

В стихотворении «Перед вечером в старой гостинице» (1938) Анфилов попытался полностью абстрагироваться от тюремной действительности. Произведение не имеет лагерных примет, но проникнуто горьким чувством долгой разлуки с возлюбленной: «Перед вечером в старой гостинице / Колыхнется от ветра свеча. / Остановится сердце и кинется / Дорогую у двери встречать. // И войдешь ты, заветная, влажная – / Вся, как гроздь молодого вина. / На тебя сквозь замочные скважины / Заглядится моя тишина. // Тихо скажешь мне: “Мальчик неистовый, / Это я у порога стою. / Ты, как книгу, меня перелистывай, / Как любимую книгу свою. // Ты позвал меня в звонкие китежи, / Ты писал: возвращайся, спеши. / Я пришла. Все, что вздумает, вытеши / Из моей белоствольной души”. // <...> И сплетенные в самое нежное, / Мы венчальные скажем слова, / А в окошко нас церковкой снежною / Перекрестит старушка Москва» [8, с. 24–25].

Начало отмечено блоковскими реминисценциями: лирическая героиня, словно таинственная «заветная» «незнакомка», является перед героем. Возлюбленная – это источник жизни, «влаги», ею невозможно «напиться», на нее не наглядеться, ее нельзя не ждать. Судьба героини осмыслена трагично. Цветовой эпитет «белоствольная душа» не только указывает на нравственную чистоту, но и подчеркивает незавидный, возможно, святой удел женщины – безвестность и мучительность ожидания. Несмотря на то, что герои в нестерпимой разлуке, их души и тела неразделимы, «ты» и «я» в последней строфе «сплетаются» в «мы». Однако героиня лишь представляется лирическому герою, на что указывают глаголы совершенного вида: «свеча колыхнется», «сердце остановится», «ты войдешь», «тихо скажешь». Волшебный мир стиха нереален, эфемерен, это прошлое, которому никогда не стать настоящим и будущим.

Анфилов, будучи заключенным, отстаивал собственные взгляды на поэзию, художественные представления, порожденные традицией Серебряного века. Он, по-видимому, не разделял навязываемых культурно-воспитательным отделом БАМлага убеждений в том, что поэзия – это лишь средство перевоспитания заключенного и воспевания рабского труда.

Примечания

¹ Возможно, перед нами опечатка: 192(3?)5.

² Сретенск был пунктом, через который переправлялись по рекам Амур и Шилка грузы из Забайкалья в дальневосточные земли. Вероятно, этим путем этапировались и заключенные.

³ Стоит заметить, что стихотворение «Двадцать» не лишено художественных достоинств, показательна первая половина произведения, пронизанная выразительной аллитерационной цепочкой «р–г–д–р–д», создающей не только образ напряженного и тяжелого труда, но и придающей повествованию экспрессию и драматизм.

Библиографический список

1. Солженицын А.И. Собр. соч. в 30 т. Т. 5. Архипелаг ГУЛАГ: Опыт художественного исследования. Части III – IV. М.: Время, 2010.
2. Еланцева О.П. Кто и как строил БАМ в 30-е годы // Отечественные архивы. 1992. № 5. С. 71–80.
3. Солженицын А.И. Собр. соч. в 30 т. Т. 6. Архипелаг ГУЛАГ: Опыт художественного исследования. Ч. V–VII. М.: Время, 2010.
4. Информационный центр УМВД России по Амурской обл. Ф. № 58, д. № 322, картотека № 3 заключенных БАМлага НКВД.
5. Анфилов Г.И. Выдержки из писем // Москвичи в ГУЛАГе: Письма Глеба Анфилова; Список бывших политзаключенных. М.: Мемориал, 1996. С. 6–48.
6. Анфилов Г.И. Хинган // Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до... Кн. 6. М.: Научно-исследовательский вычислительный центр МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. С. 40.
7. Анфилов Г.И. Двадцать // Строитель БАМа. 1936. 13 июля. № 70 (323). С. 4.
8. Свободный поэтический: Малая антология поэзии. Свободный: Свободненское лит. объединение, 1997.

References

1. Solzhenitsyn A.I. Collected works in 30 Vol., Vol. 5. The Gulag Archipelago: Experience of artistic investigation. Parts III-IV. M., Vremia, 2010. [in Russian]
2. Elantseva O.P. "Who and how constructed BAM in 30-ies". *Otechestvennyye arkhivy* [Domestic archives], 1992, no 5, pp. 71-80 [in Russian]

3. Solzhenitsyn A.I. Collected works in 30 Vol., Vol. 5. The Gulag Archipelago: Experience of artistic investigation. Parts V–VII. M., Vremia, 2010. [in Russian]
4. Amur Regional Office of the Ministry of Internal Affairs of Russia, F. no 58, case file no 322, card file No 3 for prisoners in the BAMlag of People's Commissariat of Internal Affairs. [in Russian]
5. Anfilov G.I. Extracts from the letters, *Moskvichi v GULAGE: Pis'ma Gleba Anfilova; Spisok byvshikh politzakliuchennykh [Moscovites in GULAG: Letters of Gleb Anfilov; Register of former political prisoners]*. M., Memorial, 1996, pp. 6–48. [in Russian]
6. Anfilov G.I., «Khingan», *Poeziia Moskovskogo universiteta: ot Lomonosovai do...*, Book 6. M., Nauchno-issledovatel'skii vychislitel'nyi tsentr MGU im. M.V. Lomonosova, 2011, p. 40. [in Russian]
7. Anfilov G.I. «Twenty». *Stroitel' BAMa*. 13 July, 1936, no 70 (323), p. 4. [in Russian]
8. *Svobodnyi poeticheskii: Malaia antologiya poezii*. Svobodnyi: Svobodenskoe lit. ob"edinenie, 1997. [in Russian]

*T.E. Smykovskaia**

LIFE AND CREATIVE CAREER OF GLEB ANFILOV THROUGH THE PRISM OF LITERATURE OF THE BAMLAG

The subject of this article is the life and creative works of Gleb Anfilov in the context of literature of the BAMlag. Poetic fortune of Anfilov is presented from two perspectives. On the one hand, he tried to adapt to the realities of the camp and became a part of BAMlag's official literary establishment; on the other hand, he remained true to the literary principles of Silver Age. The article makes use of information and poetic texts from the archives that were previously unknown to scholars.

Key words: BAMlag, poet, poem, lyrical hero, Cultural and Educational Department, camp.

* *Smykovskaia Tatyana Evgenievna* (tarkatova@yahoo.com), Department of Literature, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, 675000, Russian Federation.